

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЭКСПЕРТНАЯ ПАНЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ «РЕАГИРОВАНИЕ НА ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19». 25 ИЮНЯ 2021 Г. КАРЛОВ УНИВЕРСИТЕТ (ПРАГА, ЧЕХИЯ) И UNFPA¹

Ирина Андреевна Григорьева^{ab} (soc28@yandex.ru)

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^b Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Григорьева И.А. Экспертная панельная дискуссия «реагирование на вызовы и возможности старения населения и индивидуального старения во время пандемии COVID-19». 25 июня 2021 г. Карлов университет (Прага, Чехия) и UNFPA. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(3): 239–245. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.11>

В современном мире, особенно в постсоциалистических странах, идут серьезные трансформации рынка труда и вытекающих из его состояния изменений пенсионных систем. Свою лепту вносит старение населения и рост числа пожилых людей, получающих пенсии и пособия. Поэтому классический подход к формированию пенсионных прав все чаще подвергается пересмотру. Исторически это обязательное (государственное) пенсионное страхование, введенное канцлером О. фон Бисмарком в Германии в 1883 г. Оно базировалось на четких нормах стажа и возраста (35 лет страхового стажа и 65 лет — возраст выхода на пенсию), а также на расчете периода дожития после 65 лет (13 лет). В России попытки модификации и осовременивания советской пенсионной системы 1956 г. и 1964 г. (для работников колхозов) начались еще в 1990 г. Они продолжались до 2018 г. в весьма неоднозначной обстановке, о которой писали многие авторы (см., например: Григорьева, Квасова 2019).

С конца 1990-х на фоне старения населения в ряде стран Европы: в Германии, Франции, Израиле и др. — появился новый вид социального

¹ UNFPA — Фонд Организации Объединенных Наций по народонаселению.

страхования — страхование по уходу в старости. Пенсионных денег не стало хватать на долговременный уход (long term care) в условиях увеличения периода дожития и числа пенсионеров. Была длительная международная дискуссия о том, как развивать такой уход, особенно в условиях критики стационарных учреждений, с одной стороны, и перегруженности современной семьи, особенно женщин, — с другой. В России в ряде регионов уже формируется система долговременного ухода (СДУ), а в Петербурге она официально начнет действовать с 2022 г. Однако еще много нерешенных вопросов о том, как развивать СДУ, которые стали первоочередными в условиях пандемии COVID-19.

Перечисленные вопросы и стали поводом для организации UNFPA совместно с Карловым университетом Zoom-семинара со 2 по 25 июня, на котором представителям постсоциалистических стран, как восточно-европейских, так и центральноазиатских, был предложен интенсивный курс, а затем научный семинар с участием известных экспертов для обсуждения данных вопросов. Каждый из приглашенных участников экспертной панели предложил один или два вопроса, относящихся к темам. Далее совместно были выбраны из предложенных вопросов только три для панельной дискуссии, к выбранным вопросам автор давал пояснения. Во время дискуссии каждый эксперт предложил свой ответ на каждый из трех вопросов, причем кратко, не более трех минуты. После выступлений экспертов участники могли задать вопросы или что-то добавить. Ответ или дополнительный комментарий ограничен одной минутой. Далее возможна общая дискуссия, которая завершает каждый блок выступлений экспертов.

К сожалению, среди участников программы не было представителей России. Однако признание вклада российской науки было в форме приглашения двух российских экспертов — О.В. Сиянской, зам. директора Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, и И.А. Григорьевой, профессора факультета социологии СПбГУ и ведущего научного сотрудника СПб ФНИСЦ РАН. Оба эксперта участвовали в разработке российского варианта Концепции активного старения в 2018–2019 гг. под руководством старшего советника UNECE² А.В. Сидоренко, третьего эксперта семинара.

Итак, в первом круге обсуждался вопрос И.А. Григорьевой «**Трансформация рынка труда и пенсионной системы в странах Восточной Европы**». Возможно, пандемия COVID-19 очень сильно и окончательно

² United Nations Economic Commission for Europe — Европейская экономическая комиссия ООН.

переформатирует характер старения. Но еще до нее демографические изменения и трансформация рынка труда привели к тому, что пенсия стала все менее заработанной/трудовой, а получателей социальных пенсий становится все больше.

Современная система пенсионирования восходит к обязательному пенсионному страхованию Бисмарка. Эта система была хорошо пригнанной и устойчивой, но в современном контексте, похоже, пора сказать «Прощай, Бисмарк» (Palier 2010). Так, если заработанная/трудовая/страховая пенсия станет не правом, а привилегией меньшей части постоянно занятых, то чем вообще можно будет занимать население, чтобы сохранить какие-то социальные гарантии в старости? Будут ли какие-то виды добровольчества считаться занятостью, дающей пенсионные права? Или пенсионные права будут равными и определяться исключительно возрастом, а не занятостью?

Если посмотреть сверху, учесть не только демографические, но и технологические изменения, которые ведут к трансформациям рынка труда и характера занятости, то мы увидим, что индустриальный массовый наемный труд уже давно далеко не основная часть рынка труда. Сегодня заметны фрагментарная занятость, перерывы у части работников и эксплуатация среднего класса, неоплачиваемые переработки и т.д. Пенсия меньше соответствует утраченному заработку, чем прежде.

Демотивирует длительную занятость в России и то, что пенсия не может быть выше условного расчетного размера, но и не ниже прожиточного минимума (ПМП). В реальности так может быть, если пожилой человек не обратился за перерасчетом в Пенсионный фонд. Но главное в том, что зарабатывание пенсии потеряло всякий смысл. Средняя трудовая пенсия в настоящее время примерно 16 тыс. руб. И это слишком небольшая разница с ПМП, чтобы ее старательно зарабатывать.

Однако есть важная деталь. Социальная пенсия назначается на пять лет позже трудовой, в 65/70 лет, и еще меньше трудовой, при этом не пересчитывается до ПМП. Пока из-за этого не возникает социального напряжения, но, по экспертным оценкам, около трех миллионов человек в России не получают никакой пенсии, поскольку стажа у них нет, а возраст социальной пенсии еще не наступил. Весьма вероятно, что, если ситуация на рынке труда не улучшится, кому-то придется работать после пенсионного возраста для добирания стажа, чтобы все же получить трудовую пенсию.

Свою лепту в снижение числа работающих пенсионеров внес Закон РФ от 29.12.2015 № 385-ФЗ, предусматривающий отмену индексации пенсий работающим пенсионерам. Казалось бы, государство заинтересова-

но в продолжении занятости пожилых, поскольку это не только сохраняет их уровень жизни и включенность, но и пополняет ПФР отчислениями. Но государство нашло парадоксальный выход: не делать перерасчет работающим пенсионерам и оттеснить их на «серый» рынок труда. Пенсионеры от этого немного потеряли, вне нормальной занятости им ежегодно добавляют «на инфляцию», но всего лишь символические 200 р.

Во втором круге обсуждался вопрос О.В. Синявской **«Пандемия COVID-19 и система долговременного ухода в странах Восточной Европы: реалии и перспективы»**. Пандемия коронавируса стала серьезным вызовом системам долговременного ухода, особенно в стационарных учреждениях. Социальная изоляция ухудшила доступность ухода и качество жизни многих людей старшего возраста с ограниченной автономностью как на дому, так и в учреждениях. Однако «именно дома престарелых стали одним из очагов повышенной смертности от COVID-19» (Higgs 2021). Запрос на деинституционализацию, сформировавшийся еще до пандемии, в новых условиях стал еще более актуальным. Пандемия высветила и другие слабые места долговременного ухода, включая, например, недостаточный контроль за частными поставщиками услуг, проблемы в интеграции социального и медицинского обслуживания, дефицит финансирования сферы. Все это показывает, что последствия пандемии были значительно хуже для тех, кто находился в учреждениях, маркированных «для 4-го возраста». Здесь, несомненно, имел место эйджизм, причем даже в развитых странах Европы, поскольку существовало неявное предположение, что живущие в домах престарелых представляют собой менее важную категорию, чем другие группы, когда принимаются решения об их потребностях. «Их низкая значимость часто подкреплялось аргументами о том, что их смерти были неизбежными или были отвлечением от борьбы за жизнь тех, кто больше нуждался во внимании и с большей вероятностью мог извлечь из него пользу» (Wintour 2020).

Безусловно, важно задуматься над тем, в какой мере пандемия COVID-19 станет источником трансформации в России сектора долговременного ухода — надомного и институционального? Какими могут быть направления этой трансформации — в части регулирования, финансирования, порядка предоставления услуг по уходу? Какие элементы прежних подходов к реформированию сектора останутся релевантными после пандемии? Уже существует тенденция восстановления традиционных семейных ролей для тех пожилых, у кого есть дети. Возможно, что завоевания женщин в наемном труде будут конкурировать с заботой о пожилых родителях.

Что касается развития стационарозамещающих технологий, то государственные дома престарелых часто старые, с плохими условиями, без какого-то личного пространства для пожилого человека. Новые, коммерческие очень дороги и могут существовать только с компенсацией значительной части расходов из бюджета. Так, летом 2020 г. в Петербурге городской бюджет задерживал субсидирование городской сети пансионатов «Опека», что привело к угрозе выписки пожилых из нескольких пансионатов. Конфликт удалось уладить, но он показал неустойчивость существующего регулирования (Руководство 2021). Отсутствие обязательного лицензирования социального обслуживания привело к наличию организованных групп мошенников на рынке стационарных социальных услуг. До сих пор нередки отъем имущества, жилья, медицинского оборудования, помещение пожилого человека в негодные условия. Это вопросы не только качества ухода, но и безопасности жизни.

В соответствии с ФЗ № 442 сложился рынок социальных услуг, но конкуренция из-за отсутствия регулирующего вмешательства государства оказалась слишком жесткая, нецивилизованная. В то же время до конца неясно, какие формы вмешательства будут адекватными, поскольку непродуманное государственное регулирование ведет к уходу в тень. При этом государственные интернаты также могут не соответствовать требованиям обязательного лицензирования, и вопрос размещения малоомобильных пожилых повиснет в воздухе.

В третьем круге дискуссии обсуждались **предложенные А.В. Сидоренко вопросы об ответных мерах политики в области старения населения в странах Восточной Европы в постковидный период**. Каким вы видите дальнейшее развитие политики в области старения в постковидном, еще не до конца сформированном контексте: можно ли будет ограничиться корректировкой уже согласованных мер политики или же потребуются их пересмотр и полная замена?

Пандемия COVID-19 существенно ухудшила положение пожилых людей во всем мире и нанесла чувствительный удар по политике в области старения. Осуществление политики активного долголетия (старения) было практически приостановлено во всех во всех четырех приоритетных направлениях: занятость, здоровье, участие и безопасность (защищенность). Использование хронологических разграничений между теми, кто относится к «нормальному» населению, и теми, кто автоматически считается уязвимым, породило обвинения в эйджизме (Hughes 2020). Видимо, нужно отказываться от ряда устоявшихся нормативов, от сложившейся нормативной системы возрастного структурирования. Что значит «нетрудоспособный пожилой» в современных условиях, когда тяжелый физический

труд в основном в прошлом. Мы наблюдаем наложение различных рамок и классификаций, опять в духе Бисмарка...

В заключение дискуссии эксперты пришли к нескольким довольно радикальным выводам:

1. Необходимо «опривычивание»/нормализация турбулентности, рисков, текучести. Мечты о стабильности — это типичная отсылка к «золотому веку».
2. Современная ситуация требует укрепления жизнестойкости самих пожилых, навыков поддержания здоровья, а не лечение болезней. Недостает цифровизации социальных и медицинских сервисов, нужны смарт-квартиры, дома и кварталы/города.
3. Интерес представляет изучение способов и форм адаптации самих пожилых к снижению доходов, структурные, а не монетарные формы компенсации потерь.
3. Развитие социального участия как фактора психологического здоровья.
4. Учет регулярного добровольчества в трудовом стаже для компенсации снижения возможностей регулярной занятости и пенсионных прав.

Литература

Григорьева И.А., Квасова О.С. (2019) Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4): 37–56. doi: 10.31119/jssa.2019.22.4.2.

Higgs P., Gilleard C. (2021) Fourth Ageism: Real and Imaginary Old Age. *Societies*, 11(1): 12–18. <https://doi.org/10.3390/soc11010012>.

Palier B. (ed.) *A Long Goodbye to Bismarck? The Politics of Welfare Reform in Continental Europe?* Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.

Источники

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». № 442-ФЗ от 28.12.2013.

Hughes K.A. Coronavirus Has Boomers Asking: Who Are You Calling Elderly? *The Wall Street Journal*, 17 March 2020.

Wintour P. Tony Abbott: Some Elderly Covid Patients Could Be Left to Die Naturally. *The Guardian*, 1 September 2020.

Руководство пансионатов «Опека» с потерями пошло на мировую с властями Петербурга. Пенсионеров перевозят в ПНИ [<https://www.fontanka.ru/2021/03/25/69831221/>] (дата обращения: 25.07.2021)

**EXPERT PANEL DISCUSSION “RESPONDING
TO THE CHALLENGES AND OPPORTUNITIES
OF POPULATION AGING AND INDIVIDUAL AGING DURING
THE COVID-19 PANDEMIC”. JUNE 25, 2021 CHARLES
UNIVERSITY (PRAGUE, CZECH REPUBLIC) AND UNFPA**

Irina Grigoryeva^{ab} (soc28@yandex.ru)

^a Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

^b Sociological Institute of the RAS, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Citation: Grigoryeva I. Ekspertnaya panel'naya diskussiya «reagirovaniye na vyzovy i vozmozhnosti stareniya naseleniya i individual'nogo stareniya vo vremya pandemii COVID-19». 25 iyunya 2021 g. Karlov universitet (Praga, Chekhiya) i UNFPA [Expert panel discussion “Responding to the challenges and opportunities of population aging and individual aging during the COVID-19 pandemic”. June 25, 2021 Charles University (Prague, Czech Republic) and UNFPA]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(3): 239–245 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.11>.

References

Grigoryeva I.A., Kvasova O.S. (2019) Nedovol'stvo naseleniya pensionnoy reformoy: gendernyy aspekt. [Population dissatisfaction with the pension reform: the gender aspect]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 37–56. doi: 10.31119/jssa.2019.22.4.2.

Higgs P., Gilleard C. (2021) Fourth Ageism: Real and Imaginary Old Age. *Societies*, 11(1): 12–18. <https://doi.org/10.3390/soc11010012>.

Palier B. (ed.) *A Long Goodbye to Bismarck? The Politics of Welfare Reform in Continental Europe?* Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.